

УДК – 347
ББК – 67.404

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
эксперт РАН, профессор кафедры «Гражданское право»
Финансового университета при Правительстве РФ,
ведущий научный сотрудник кафедры судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности
Юридического института РУДН, действительный член РАЕН,
член Научно-консультативного совета
при Федеральной палате адвокатов РФ,
Почетный адвокат России
e-mail: ludmilagr@mail.ru

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное
частное право

ВЛИЯНИЕ КОНВЕРГЕНЦИИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Важной задачей, стоящей одновременно перед государством и обществом конкретной страны, является устранение «треугольника недоверия»: у государства – к обществу и бизнесу, у бизнеса – к государству и обществу, у общества – к государству и бизнесу. На первый взгляд развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частнопроводную сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Частнопроводные и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и культурными отношениями в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому во многом логика их развития зависит от экономической ситуации, которая диктует, в частности, векторы развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов.

Ключевые слова: гражданское общество, частное право, публичное право, частные интересы, права человека, публичная власть, судебная власть, закон.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
the doctor of jurisprudence, professor,
the expert of the Russian Academy of Sciences,
professor of Civil law department of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
the leading researcher of department of judicial authority,
law-enforcement and human rights activities
of the RUDN Legal institute, the full member
of the Russian Academy of Natural Sciences,
the member of Scientific and advisory council in case
of Federal chamber of lawyers of the Russian Federation,
the Honourable lawyer of Russia
e-mail: ludmilagr@mail.ru

INFLUENCE OF CONVERGENCE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW ON DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE MODERN RUSSIA

Summary. The important task facing at the same time the state and society of the specific country is elimination of «a mistrust triangle»: at the state – to society and business, at business – to the state and society, at society – to the state and business. At first sight development of civil society happens only within private interests, but involvement of the public power and distribution of public norms on the private-law sphere (let and in a mediated way) it is impossible to call in

question. The private-law and public beginnings are realized in tight correlation with the social and economic and cultural relations in a specific historical interval of time, can't be torn off from them, and therefore in many respects the logic of their development depends on an economic situation which dictates, in particular, vectors of development of the right and the legislation, and also judicial right application and interpretation of laws.

Keywords: *civil society, private law, public law, private interests, human rights, public power, judicial authority, law.*

В понимании факторов, оказывающих влияние на развитие гражданского общества, следует учитывать не только конкретную историческую эпоху, но и предшествовавшее ей историческое развитие государства и общества. Кроме того, как верно указывал П.И. Новгородцев, необходимо помнить о различии практики и теории при сближении их друг с другом. Не всегда можно охарактеризовать практические отношения на основании теоретических идеалов, как невозможно и сводить все содержание этих идеалов к ближайшим практическим нуждам [11, с. 27]. Важной задачей, стоящей одновременно перед государством и обществом конкретной страны, является устранение «треугольника недоверия»: у государства – к обществу и бизнесу, у бизнеса – к государству и обществу, у общества – к государству и бизнесу.

На первый взгляд развитие гражданского общества происходит лишь в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частно-правовую сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Как верно отметил Н.М. Коршунов, «частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным» [7, с. 24]. С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом, в значительной мере направлены на защиту частных интересов [14, с. 37; 15, с. 255]. С другой стороны, любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по сути и природе своей является публичной хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства, во-вторых, не может противоречить и угрожать государ-

ственной системе и природе государственного управления.

Более того, частноправовые и публично-правовые начала реализуются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и культурными отношениями в конкретный исторический отрезок времени, не могут быть оторванными от них, а потому во многом логика их развития зависит от экономической ситуации, которая диктует, в частности, векторы развития права и законодательства, а также судебного правоприменения и толкования законов. Экономические и культурные отношения, регулируемые правом, не принадлежат исключительно ни к одной из его областей и составляют общий предмет как публичного, так и частного права. Несостоятельно и разграничение права на частное и публичное при помощи интереса или характера общественных отношений, которые не составляют ни элементов правовой нормы, ни содержания субъективного права.

По мнению Н.М. Коршунова, «следует говорить о... формах сочетания публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений, о конкретных границах публичного и частного права». Но как определить эти «конкретные» границы? И так ли необходимо их точное определение? Ведь государство – многогранное явление, не только охватывающее сферу публичных интересов, но и «проникающее» во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России отличается от жизни местного населения в Германии, и разница не только в общественном укладе, мировоззрении, традициях, национальной идеологии, но и в сущности и модели политической и правовой систем.

Например, С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеоб-

разная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции [1, с. 114]. Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования, поскольку никакого растворения частного права в публичном праве и наоборот не происходит.

Вспомним Гегеля, у которого государство – многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Индивид, с одной стороны, вообще не может существовать вне государства, а с другой – обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве [2, с. 35, 36]. Соответственно, на наш взгляд, наделение государством – с помощью принятия законов – индивида правами, свободами и обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что не исключает, однако, частноправовой характер самих прав и свобод, которыми индивид наделяется. В этой связи, по мнению Н.В. Андрианова, «индивидуальные права, обеспечивающие как защиту от необоснованного административного вмешательства, так и возможность влиять на административный аппарат, следует рассматривать в качестве важного элемента структуры гражданского общества» [2, с. 35, 36].

По мнению Д.Л. Козна и Э. Арато, Гегель к основным достижениям гражданского общества (современного ему немецкого буржуазного общества) относил «абстрактные права юридического лица и принцип субъективной свободы морального субъекта, намерения и воля которого должны быть приняты во внимание в любом суждении о действии» [8, с. 380].

Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и, тем более, к управленческому аппарату. Вот что он говорит по этому поводу: «Государство есть организм, т.е. развитие идеи в свои различия. Эти различные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, по-

средством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все» [4, с. 287].

Стоит отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескье): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). «Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство сохраняется благодаря ему... Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все» [4, с. 293].

Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории «государство» с иными научными категориями, в том числе с категорией «гражданское общество», желательно, во избежание двусмысленностей, в каждом случае раскрывать понимание термина «государство». Приведенные положения гегелевской теории гражданского общества сохраняют важное методологическое значение и еще будут использованы в настоящей статье.

Вернемся к гражданскому обществу. Прежде всего, любая интерпретация понятия «гражданское общество» предполагает соотношение с понятием «государство», поскольку первое и исторически, и в теоретическом анализе возникает лишь при наличии второго. При этом категория «государство» всегда требует от исследователя расшифровки: под ним понимается или система власти, или ад-

министративный аппарат, или институционально организованное геополитическое пространство, или институционально организованное население, или все это вместе, объединенное «развитием идеи в ее различия». В противном случае приходится строить догадки по поводу сентенций в духе: «Гражданское общество призвано следить за государством» (блестящий анализ гегелевской концепции гражданского общества содержится в работе классика отечественной теории государства и права П.И. Новгородцева [12, с. 330–351]). Кроме того, необходимо учитывать нетождественность понятий «общество» и «гражданское общество».

Итак, для целей нашего исследования представляет непосредственное значение, во-первых, взгляд Гегеля на гражданское общество как сферу **частных, единичных интересов**, которая в определенных условиях приобретает **самостоятельное значение** по отношению к сфере **публичных (всеобщих) интересов**.

Во-вторых, вывод о том, что дифференциацию гражданского общества от государства (как сферы политической власти и управленческого аппарата) обеспечивают индивидуальные права граждан, ограждающие их от произвольного административного вмешательства и предоставляющие возможность воздействия на властные институты (поэтому индивидуальные права следует рассматривать как важный элемент структуры гражданского общества).

В-третьих, указание на возможность достижения индивидуальной цели только «при соотношении с другими», то есть при наличии отношений солидарности, выступающей в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества. Таким образом, согласно гегелевской концепции, сфера индивидуальных интересов, право и солидарность являются категориями, необходимыми для описания гражданского общества.

Пожалуй, наиболее основательный опыт создания систематической теории современного гражданского общества принадлежит американским исследователям Джин Л. Коэн и Э. Арато, которые посвятили этой проблеме фундаментальный научный труд «Гражданское общество и политическая теория» [8] (впервые работа опубликована в 1992 г. в США.

Авторы, подчеркивая основополагающий характер концепции Г. Гегеля, опираясь и одновременно подвергая обстоятельному критическому анализу теоретические воззрения А. Грамши, Т. Парсонса, Х. Арндт, Н. Лумана, К. Шмидта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, других известных исследователей гражданского общества, предлагают собственную теорию и намечают пути реконструкции и воссоздания гражданского общества в странах Запада). Немаловажно также, что многие идеи этих авторов широко (и активно) используются как в области государственного строительства и конструирования «политтехнологий» в странах Восточной Европы, так и на постсоветском пространстве.

Авторы определяют гражданское общество как «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (семья), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации». По мнению авторов, «современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконституирования и самоорганизации. Оно институционализируется и генерализируется посредством законов и в особенности субъективных прав, стабилизирующих социальную дифференциацию» [8, с. 7].

Для определения границ современного гражданского общества (в социальной жизни) авторы предлагают следующий методологический подход. Во-первых, они исходят из того, что само понятие гражданского общества обозначает именно ту область современной жизни Запада, для которой логика не только административно-властных, но и экономических механизмов создает наибольшие опасности [8, с. 6]. Во-вторых, настаивают на том, что предложенная Гегелем дихотомическая модель «общество – государство» (и адекватная общественным процессам в XIX в.) не пригодна для исследования современного западного гражданского общества. В-третьих, они прибегают к известной в науке трехчастной модели А. Грамши [5] (применяемой также Т. Парсонсом), устанавливающей разграничение как между гражданским обществом и государством, так и между гражданским обществом и экономикой. Признавая приоритет

А. Грамши в выдвигании трехчастной модели, авторы придают особое методологическое значение выводу о том, что рыночная экономика и государство интегрируются через механизмы, организованные деньгами и властью, и что гражданское общество, в отличие от них, координируется с помощью коммуникативных средств порождения согласия [5, с. 243].

В свою очередь, политическая часть гражданского общества непосредственно связана не с контролем или захватом власти, а с влиянием, проводником которого являются демократические ассоциации и свободная дискуссия в интеллектуальных кругах. Правда, подобная роль неизбежно сопряжена с расплывчатостью и неэффективностью воздействия.

Таким образом, Дж. Коэн и Э. Арато предлагают пятичастную модель:

политическое общество – государство – гражданское общество

экономическое общество – экономика – гражданское общество.

По мнению Дж. Коэна и Э. Арато, политическое и экономическое общества выступают здесь в качестве сфер-посредников, через которые гражданское общество призвано влиять на политико-административные и экономические процессы. При этом авторы предостерегают от противопоставления гражданского общества государству и экономике. Антагонистическими эти отношения становятся лишь тогда, когда институты экономического и политического обществ начинают изолировать процессы принятия решений и тех, кто эти решения принимает, от воздействия со стороны социальных организаций, инициатив и публичного обсуждения.

Дж. Коэн и Э. Арато не только проводят границу между гражданским обществом и политическим и экономическим обществами. Они настаивают на строгом различии гражданского общества и общества в широком смысле. В частности, по их определению, гражданское общество выполняет функцию интегративной подсистемы общества, сферы общества, состоящей из нормативно-правовых компонентов и принципов ассоциации. Именно эту сферу авторы именуют «наиболее актуальной реконструкцией понятия гражданского общества». К теоретическим

заслугам Гегеля относится четкая принципиальная постановка вопроса именно о взаимосвязи социально-экономических и политических сфер гражданского общества и государства, о необходимом и закономерном, диалектическом характере этих связей и соотношений. «Государство есть действительность нравственной идеи, – нравственный дух как явная, самой себе ясная, субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает» [13]. Иными словами, политическое общество и экономическое общество – это сферы гражданского общества, но не отдельные общества, оторванные, но якобы соприкасающиеся с гражданским обществом.

Отдельная личность черпает из жизни о государстве истинные понятия о нравственности, она лишь в государстве осуществляет свою подлинную свободу, реализует свои интересы (удовлетворяет потребности), ибо здесь достигается, по мнению Гегеля, единство объективной свободы, то есть всеобщей воли и субъективной свободы отдельной личности, которая в своих действиях руководствуется законами, нравственными основоположениями, имеющими всеобщее значение. Целью поддерживаемого государством гражданского мира является защита государством отдельного гражданина. Гражданин – это «естественная» единица, или атом (хотя даже в условиях гражданства имеется определенный «конвенциональный» элемент). С другой стороны, членами или единицами (атомами) нашего международного порядка являются государства. Однако государство в принципе не может быть таким же «естественным» элементом, как гражданин: ведь не существует естественных границ государства, они меняются и могут быть определены только посредством применения международного принципа *status quo*, а поскольку этот принцип всегда указывает на некоторую произвольно выбранную дату, то определение границ государства – конвенциональная процедура.

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о «социальной системе», под которым понимается общество, находящееся в «равновесии». Возможны небольшие колебания, но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично сочета-

ются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации. Они интегрированы в систему, следуют единым ценностям, без труда исполняют предписанные им роли. В нормальном состоянии конфликты между ними отсутствуют; изменения системы подобны помехам в работе отлаженного механизма.

Короче говоря, образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, по мнению Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации [17, с. 38].

Как отмечал немецкий философ-марксист Г. Клаус, столь высоко организованная динамическая система, какой является всегда в соответствии с государством организованная на основе определенных производственных отношений общественная система, может быть только многоустойчивой системой, которая при необозримом множестве регулируемых величин способна сохранять относительно устойчивое состояние в течение продолжительного времени только благодаря тому, что связанные друг с другом частными функциями частичные системы частично также обладают относительной самостоятельностью [6, с. 98]. Об экономической необходимости, «всегда прокладывающей себе путь» [6, с. 99], писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу [10, с. 470]. Как пишет Г. Клаус, «мы хотим не только понимать общественные системы, но и владеть ими. Владеть, однако, не значит знать все причинные связи системы. При известных обстоятельствах достаточно уже знать закономерности ее поведения» [6, с. 128]. Возьмем эту мысль на вооружение. В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это – возникновение взаимодействующей системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами ос-

новных частей, так и возникновением новых систем связей между частями. К этому нужно добавить еще упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения [18, с. 108]. По мере возрастания целостности увеличивается и относительная независимость организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие организму параметры [3, с. 158]. Понятие «обратной связи», такое простое и естественное в некоторых элементарных случаях, становится искусственным и малополезным, когда взаимосвязь частей становится более сложной. Если число частей возрастает хотя бы до четырех и каждая часть воздействует на три остальные части, то через них можно провести двадцать замкнутых петель, однако знание свойств всех этих двадцати петель ее не дает полной информации о системе. Такие сложные системы не могут рассматриваться как переплетающееся множество более или менее независимых петель обратной связи – их можно рассматривать лишь как целое [19, с. 83, 84].

Все принадлежащие к ней люди (в силу одинаковой социализации) следуют одинаковым нормам, стремятся в тем же ценностям, обычно хорошо интегрируются в систему и пребывают в гармоничных отношениях друг с другом. В подобной «социальной системе» мы имеем образ нации как сообщества, лишь выраженный иначе. В качестве чего-то само собой разумеющегося здесь предполагается, что внутри такой системы существует высокая степень равенства: ведь интегрированность всей системы покоится на одинаковой социализации, на единстве ценностей и норм. Таким образом, подобная «система» представляет собой понятийную конструкцию, абстрагированную от демократически понимаемого национального государства. С какой бы стороны мы ни смотрели на эту конструкцию, мы всякий раз обнаруживаем, что в ней стерты различия между тем, чем действительно является нация, и тем, какой она должна была бы быть. По мнению Н. Элиаса, в моделях развития XIX в. происходило смешение фактических наблюдений с принимаемым за реальность желательным вариантом развития к будущему

му, с социальным прогрессом, понимаемым с позиций того или иного идеала [17, с. 38].

Точно так же в социологических моделях XX в. смешиваются фактические наблюдения и желаемый идеал гармоничной интеграции всех элементов нации. Идеал также предстает в качестве существующей реальности. Вся разница в том, что в тех теориях происходила идеализация будущего, а тут идеализируется настоящее, здесь и теперь существующий национально-государственный порядок.

Для иллюстрации достаточно вернуться к сказанному выше. Речь идет о парсоновском понимании отношений между индивидом и обществом, об «индивидуальном действии» и «социальной системе». Данное отношение описывается с помощью метафоры взаимного проникновения, которая дает недурной образ того, насколько далеко разошлись эти две точки зрения на человека. В подобном мыслительном построении овеществление находит свое выражение не только в понятии социальной системы как своего рода идеального образа нации, но и в идеальном образе «Эго» как действующего человека, свободного и независимого от всех прочих индивидов. В обоих случаях у этих теоретиков идеальный образ незаметно преобразуется в факт, в нечто действительно существующее. В образе индивида отражается определенная система верований, диктующая, каким должен быть человек. Этот образ абсолютно независимого, свободно принимающего решения индивида в подобной теоретической рефлексии предстает как фактическое положение дел [17, с. 39]. Конечно, здесь не место выяснять причины получившего столь широкое распространение противостояния в понимании человека. Но следующие ниже исследования трудно понять без учета того, насколько сильно подобные представления влияют на разрешение проблемы процесса цивилизации. По ходу данного процесса изменяются и индивидуальные структуры. Собственно говоря, понятие «цивилизация» употребляется именно в этом смысле. Столь популярный сегодня образ индивида как абсолютно независимого и обособленного от других людей, как некой самостоятельной сущности, с трудом сочетается с фактами, приводимыми в нашем исследовании. Такой образ препят-

ствует пониманию долговременных процессов, происходящих одновременно и на индивидуальном, и на социальном уровнях. Парсонс иной раз прибегает к старой метафоре black box для иллюстрации своего образа личности: он трактует его как закрытый черный ящик, «внутри» которого разыгрываются некие индивидуальные процессы. Метафора берется из инструментария психологии. По существу, она говорит нам о том, что научным образом мы способны наблюдать только поведение. Мы видим, что делает этот «черный ящик». Но то, что творится внутри него, то, что обозначается как «душа» или «дух», есть лишь «ghost in the machine», как высказался по сему поводу один английский философ [17, с. 40].

На место образа человека как «закрытой личности» (характерно уже само это выражение) встает его образ как «открытой личности». Последняя обладает большей или меньшей степенью автономности в отношениях с другими людьми, но никогда не достигает абсолютной или тотальной автономности, поскольку на протяжении всей своей жизни соотносится с другими людьми, на них нацелена, от них зависима.

Люди находятся в сети взаимозависимостей, которые прочно привязывают их друг к другу. Эта сеть обозначается здесь как фигурация – определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей. Поскольку люди – сначала от природы, а затем и через обучение, воспитание, социализацию, социально пробуждаемые потребности – более или менее зависят друг от друга, постольку они всегда выступают во множественном числе, или, если можно так выразиться, существуют как «плюральности». Они всегда предстают в тех или иных фигурациях. Вот почему не слишком плодотворно понимание человека как одиночки. Куда более уместно исходить из картины множества взаимозависимых людей, образующих фигурации, группы или разного рода сообщества. Тем самым исчезает характерное для прежнего образа человека разделение на индивида (словно есть индивиды без общества) и общество (словно существует общество без людей). Понятие фигурации вводится нами именно потому, что своей ясностью

оно превосходит понятийный инструментарий нынешней социологии.

Меняются не только отдельные люди, но и целые народы, а тот, кто меняется, не может положиться на самого себя. Поэтика солидарности, над которой грешно смеяться, конечно, уступает прозе рыночных отношений, которые связывают даже врагов. Хорошо бы соединиться на духовной основе, как это предлагали русские философы всеединства, но пока время для этого не пришло, следует создавать более реалистические проекты.

Согласно либеральным воззрениям, статус гражданина определяется мерой его субъективных прав, которые определяются как негативные, т.е. они указывают, что нельзя делать, и предполагают, что все незапрещенное возможно. Политические права дают возможность реализации частных интересов путем голосования, благодаря чему они могут соединиться с частными интересами других лиц и сформировать политическую волю, воздействующую на администрацию, контролирующую ее действия [9].

Согласно республиканским воззрениям, права граждан фиксируют позитивные свободы, гарантирующие участие в политической жизни, благодаря которой они, собственно, и становятся политически ответственными субъектами.

Политика не является чем-то внешним, искусственным, например продуктом общественного договора. Напротив, она происходит из самой солидарности и легитимна настолько, насколько выражает общее мнение и общую волю народа. Либералы и коммунисты по-разному трактуют и само право. Согласно либеральным воззрениям, смысл правопорядка состоит в том, что он позволяет установить, какие права принадлежат тем или иным индивидам [9].

Согласно республиканским воззрениям, наоборот, субъективные права возможны в рамках некоего объективного правопорядка, который и делает возможным процесс совместной жизни. Для республиканцев права выступают как ограничения господствующей политической воли. Либералы же предполагают, что права опираются на некие находящиеся за пределами политики жизненные ценности, которые и выражают права чело-

века и используются для обуздания властей [9]. Напротив, республиканцы видят цель политики в том, чтобы согласовать условия и обычаи народа с демократическими правами. Основанием всех других прав является избирательное право, образующее из автономных индивидов некую политическую общность, которая верит в то, что жизненные интересы каждого будут учитываться остальными, ибо за ним признается право голоса.

Государство «необходимости и рассудка» имеет своей предпосылкой существование эгоистичных автономных индивидов, не имеющих традиций и находящихся в злобно недоверчивых отношениях друг к другу. Но даже в США формирование политической воли достигалось, скорее, на основе морального признания, чем рационального договора [9]. Хабермас видит следующий выход в интересующем понимании процедуры народного суверенитета: место частнопредварительной модели договора между субъектами рынка занимает совещательная практика участников коммуникативного процесса. Формирование общественного мнения и политической воли осуществляется не только в форме компромиссов, но и по модели публичных дискуссий, нацеленных на рациональную приемлемость правил в свете общих интересов и ценностных ориентаций.

Субъекты права – это не собственники самих себя и не солидарные частицы целого – народа, а индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга, что и обеспечивает социальную интеграцию автономных индивидов [9]. Дж. Ролз оказывается не способен последовательно придерживаться того определения, что «полностью» автономные граждане представлены партиями, у которых такая автономия отсутствует. По условию граждане выступают как моральные личности, обладающие чувством справедливости и способностью иметь собственную концепцию блага, а также заинтересованные в том, чтобы разумно развивать эти задатки. В исходном положении, согласно его объективно разумной схематике, партии лишаются как раз этих разумных качеств моральных личностей [16]. В последних главах своей «Теории справедливости» Дж. Ролз исследовал вопрос о том, в состоянии ли устроенное по принципам

справедливости общество стабилизировать самостоятельно, может ли оно, например, своими силами обеспечить необходимые для его функционирования мотивы, правильно осуществив политическую социализацию своих граждан [16]. Ошибочная аналогия не причинила бы дальнейшего вреда, если бы она не представляла в ложном свете перекрывающий консенсус, который должны найти принципы справедливости. Дж. Ролз использует слово «политический» как обычное выражение, характеризующее вопросы, которые представляют общественный интерес, причем политическая философия ограничивается оправданием институциональных рамок и фундаментальной структуры общества. Оба значения вступают, в конце концов, в любопытную взаимосвязь, когда речь заходит о «политических ценностях». «Политическое» в этом третьем его значении образует основу как общих убеждений граждан, так и тех точек зрения, с которых проводится региональное отграничение той или иной предметной области. Сферу политических ценностей, отделяющуюся в современных обществах от других ценностных сфер культуры, Дж. Роулз рассматривает как нечто данное, будучи в этом почти неокантианцем, подобно Максиму Веберу. Ибо, только ссылаясь на политические ценности, какими бы они ни были, он в состоянии выделить в моральной личности публичную тождественность гражданина и непубличную тождественность частного лица, определяемого той или иной собственной концепцией блага. По развитию социального государства также можно видеть, что границы между частной и публичной автономией граждан подвижны и что установление таких границ должно зависеть от формирования политической воли граждан, если уж последние имеют возможность отстаивать «честную ценность» своих субъективных свобод перед законодательными и судебными инстанциями.

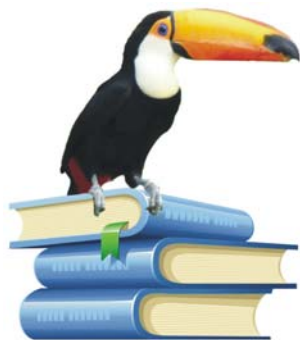
Список литературы:

- [1] Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006.
- [2] Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- [3] Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, эволюция и управление. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- [4] Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 287.
- [5] Грамши А. Тюремные тетради. М., 1999.
- [6] Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1967.
- [7] Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Инфра-М, 2011.
- [8] Коэн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
- [9] Марков Б.В. Предисловие к книге Юргена Хабермаса «Вовлечение другого. Очерки политической теории» / Пер. с нем. Ю.С. Медведова. СПб.: Наука, 2001.
- [10] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М.: Госполитиздат, 1953.
- [11] Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901.
- [12] Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
- [13] Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
- [14] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.
- [15] Тихомиров Ю.А. Публичное и частное право // Общая теория государства и права. Академический курс. М., 2009.
- [16] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведова. СПб.: Наука, 2001.
- [17] Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х томах. Том 1.
- [18] Энгельгардт В.А. Интегрализм – путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии. 1970. № 11.
- [19] Эшби У.Р. Введение в кибернетику: Пер. с англ. / Под ред. В.А. Успенского. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Spisok literatury:

- [1] Alekseev S.S. Liniya prava. M.: Statut, 2006.
- [2] Andrianov N.V. Grazhdanskoe obshhestvo kak sreda institucionalizacii advokatury'. M.: LIBROKOM, 2011.
- [3] Afanas'ev V.G. Mir zhivogo. Sistemnost', e'voluciya i upravlenie. Izd. 2-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
- [4] Gegel' G.V.F. Ukaz. soch. S. 287.
- [5] Gramshi A. Tyuremny'e tetradi. M., 1999.

- [6] *Klaus G.* Кибнетика i obshhestvo / Per. s nem. M.: Progress, 1967.
- [7] *Korshunov N.M.* Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy' teorii i praktiki. M.: Infra-M, 2011.
- [8] *Koe'n Dzhin L., Arato E'.* Grazhdanskoe obshhestvo i politicheskaya teoriya. M., 2003.
- [9] *Markov B.V.* Predislovie k knige Yurgena Xabermasa «Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii» / Per. s nem. Yu.S. Medvedeva. SPb.: Nauka, 2001.
- [10] *Marks K., E'ngel's F.* Izbranny'e pis'ma. M.: Gospolitizdat, 1953.
- [11] *Novgorodcev P.I.* Kant i Gegel' v ix ucheniyax o prave i gosudarstve. Dva tipicheskix postroeniya v oblasti filosofii prava. M., 1901.
- [12] *Novgorodcev P.I.* Kant i Gegel' v ix ucheniyax o prave i gosudarstve. SPb., 2000.
- [13] *Parsons T.* Sistema sovremenny'x obshhestv / Pod red. M.S. Kovalevoj. Per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. M.: Aspekt Press, 1998. – 270 s.
- [14] *Pokrovskij I.A.* Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava. M., 2001.
- [15] *Tixomirov Yu.A.* Publichnoe i chastnoe pravo // Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs. M., 2009.
- [16] *Xabermas Yu.* Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii / Per. s nem. Yu.S. Medvedeva. SPb.: Nauka, 2001.
- [17] *E'lias N.* O processe civilizacii. V 2-x tomah. Tom 1.
- [18] *E'ngel'gardt V.A.* Integratizm – put' ot prostogo k slozhnomu v poznanii yavlenij zhizni // Voprosy' filosofii. 1970. № 11.
- [19] *E'shbi U.R.* Vvedenie v kibernetiku: Per. s angl. / Pod red. V.A. Uspenskogo. Izd. 4-e. M.: Knizhny'j dom «LIBROKOM», 2009.

Объединенная электронная
редакция

ЮРКОМПАНИ

www.publish.law-books.ru

Научно-издательская группа «ЮРКОМПАНИ»

осуществляет оперативную полиграфию и издание рукописей (монографий, учебников, учебных пособий, учебно-методических изданий и др.). Редакционно-издательский цикл включает несколько стадий:

- ✓ рецензирование рукописи;
- ✓ редактирование рукописи;
- ✓ первая корректура рукописи;
- ✓ форматирование и подготовка рукописи к верстке;
- ✓ верстка рукописи;
- ✓ вторая корректура рукописи и снятие вопросов, возникших в процессе верстки текста,
- ✓ согласование с автором сверстанного текста рукописи в формате pdf (по желанию автора),
- ✓ согласование с автором макета обложки рукописи (по желанию автора),
- ✓ печать согласованного с автором тиража книги.